

Ван Цзэвэнь снова удивился. Низкий уровень образования в этом кругу — дело нередкое, и многие к этому привыкли, а вот те, кто продолжает учиться, редки, как утренняя звезда. Ведь рынок этого не требует, делая лёгкие вещи, можно заработать большие деньги, зачем же себя утруждать?

К стыду привыкаешь.

Ван Цзэвэнь спросил:

— В каком университете ты учился? Я помню, ты не из актёрской?

Линь Чэн:

— Нет, я учился в Университете А, на факультете компьютерных наук.

— Вот это да, — Ван Цзэвэнь не смог сдержать удивления.

Этот университет был довольно приличным комплексным вузом, а компьютерные науки — популярным направлением.

Линь Чэн, совмещая учёбу с работой, не связанной со специальностью, был гораздо круче, чем некоторые поделки из шоу-бизнеса.

Ван Цзэвэнь подумал: ушэн, окончил обычную старшую школу, учился на компьютерных науках... и в итоге стал актёром восемнадцатого уровня.

Жизненный опыт этого ребёнка действительно легендарный.

Не понять его.

Откуда ему было знать, что у Линь Чэна уже давно была готовность сменить профессию.

В первые годы работы в массовке он уже увидел жестокость шоу-бизнеса. Хотя он был молодым, он был более зрелым, чем другие. Он знал, что заработки массовки не имеют гарантий, и среди братьев по школе единицы добиваются известности, а большинство заканчивает с телом, покрытым шрамами, и уходит в никуда.

Он не хотел доверять своё будущее этой индустрии с неясными перспективами.

Он мог стараться и жить лучше.

Поэтому он поработал несколько лет, накопил денег и пошёл в обычную старшую школу.

Но... просто он не мог примириться с таким поспешным концом, он вложил в актёрскую профессию слишком много. Именно потому, что он вложил, это обрело ценность настойчивости. Позже Линь Чэн, в редкий момент неразумности, подписал пятилетний контракт с Ван Тао и тянул его до сих пор.

К сожалению, этот агент был полным ничтожеством.

Ван Цзэвэнь сказал:

— Я помню, твоих сцен осталось немного.

Рука Линь Чэна, вытирающего волосы, замерла, и он глухо произнёс:

— Угу.

— Когда ты закончишь съёмки, я угощу тебя выпить, — Ван Цзэвэнь улыбнулся человеку напротив. — В это время ты тоже хорошо потрудился.

Линь Чэн сказал:

— Спасибо, режиссёр Ван.

Ван Цзэвэнь убрал вещи со стола, аккуратно сложил их в сторону и спросил:

— Есть какие-нибудь желания? У режиссёра Вана сегодня хорошее настроение, могу дать награду.

Линь Чэн подумал немного, поднял голову и сказал:

— Я хочу хорошо снять этот фильм.

— Мы же сейчас снимаем? Разве ты снимаешь плохо? — Ван Цзэвэнь сказал. — Не дави на себя слишком сильно, я думаю, уже очень хорошо.

— Я имею в виду... — Линь Чэн подбирал слова, голос стал низким. — Я буду очень серьёзно сниматься, и надеюсь, что съёмочная группа и режиссёр тоже будут снимать искренне. То, что попадёт на экран, будет действительно красивым кадром.

Он надеялся, что в своих кадрах он сам будет главным героем. Не фоном, не зеленью, не грубым уродом, который лишь немного хуже главного героя.

Вполне возможно, это будет его прощальная работа.

Ван Цзэвэнь сразу понял и протянул:

— Хм.

— Под объективом режиссёра Вана нет плохих актёров, которые выглядели бы плохо, — тон Ван Цзэвэня словно гарантировал. — Относиться небрежно к человеку, который серьёзно работает, — не стиль нашей группы. Если ты осмелишься играть, я осмелюсь снимать.

Линь Чэн глубоко посмотрел на него, затем стянул полотенце и, словно не выдержав, ярко улыбнулся:

— Спасибо, режиссёр Ван.

Ван Цзэвэнь тоже улыбнулся. Он почему-то чувствовал, что радость этого человека может заставить его расслабиться, такая улыбка очень заразительна. Если образ Бэй Гу не был бы каменным лицом, он бы обязательно добавил похожий кадр с Линь Чэном.

Ван Цзэвэнь встал, похлопал его по плечу:

— Следующая сцена очень важная. Вылечи болезнь, сохрани состояние, я жду твоего возвращения.

Слова «я жду твоего возвращения» имели большой вес в сердце Линь Чэна, он сжал полотенце и сильно кивнул.

Вскоре раздался механический звук закрытия электронной двери. Линь Чэн повесил полотенце на шею, встал и пересел на место, где только что сидел Ван Цзэвэнь.

Он сидел долго, прежде чем наконец пришёл в себя и пошёл собирать вещи.

Внезапно появившиеся выходные заставили Линь Чэна не знать, чем заняться. Купив билет, он решил сначала съездить домой.

У него был собственный дом, но не в этом городе. Для удобства работы он арендовал трёхкомнатную квартиру в центре города. В кабинете стояло четыре-пять компьютеров, иногда он использовал это как студию.

Поскольку вход в группу был слишком поспешным, Линь Чэн зашёл только за сменной одеждой и частью часто используемых вещей и не успел как следует прибраться. Вернувшись на этот раз, он обнаружил, что на вещах везде лежит пыль.

Линь Чэн потратил целый день, убрав весь дом. Диваны и стулы протёр тряпкой, затем накрыл плёнкой. Постельное бельё и шторы снял, постирал и повесил сушить. Просроченную еду из холодильника всё выкинул и сделал уборку с дезинфицирующим средством.

Хотя дом был небольшим, просто так пробежавшись и убрав, Линь Чэн весь вспотел.

После обработки он ничего не хотел делать, просто залез в постель и спал больше десяти часов. Когда проснулся, тело уже почти поправилось. Измерив температуру, обнаружил, что больше нет лихорадки.

Линь Чэн выдохнул с облегчением, но для страховки надел ещё две вещи, прежде чем решился выйти.

Хозяйка жила на этаж выше, это была довольно энтузиастичная женщина средних лет. В семье были деньги, любила шопинг, каждый раз, покупая слишком много вещей, дарила их Линь Чэну, а также всё хотела увлечь его на танцы на площади. Хотя ни разу не получилось, она никогда не сдавалась.

Услышав шум внизу, когда Линь Чэн собирался выходить, она в тапочках сбежала вниз.

— Молодой человек! Молодой человек, ты вернулся?

Рука Линь Чэна закрывала дверную ручку, он кивнул и сказал:

— Угу. Хотите зайти проверить комнату?

— Не надо, не надо, — хозяйка тётя с улыбкой подобралась ближе, спросила с понимающим видом. — Зачем ты надел маску?

Линь Чэн почувствовал вопрос странным:

— Я немного простудился.

— Хочешь обмануть меня! — тётя хозяйка звонко рассмеялась. — Я уже всё знаю! Тоже в тренде, ладно? Я сразу говорила, что ты такой энергичный и такой красивый, редко встретишь, оказывается звезда!

Линь Чэн:

«...» Хотя на самом деле он действительно был болен.

Тётя хозяйка достала телефон и радостно сказала:

— Я говорила дочери, а она не верила. Можешь снять маску, чтобы я сфоткала с тобой? Обещаю не отправлять куда попало и не говорить другим, что ты здесь живёшь. Можно?

Линь Чэн немного поколебался, снял маску и встал рядом с ней.

Тётя увидела его лицо и снова в восторге закричала:

— Ой, действительно красавчик! Я смотрю, ты намного красивее, чем те мужчины по телевизору! Без макияжа тоже красивый!

Линь Чэн показал стандартную улыбку и спросил:

— Как вы узнали меня?

Тётя хозяйка с удовольствием работала с телефоном:

— Дочь прислала мне фото. Я сразу узнала тебя.

Линь Чэн:

— Моё фото?

— Да, твоё фото, — сказала тётя. — Ты снялся в очень крутом фильме, правда? Те две фотографии реально красивые! Дочь говорит, что ты точно станешь популярным! Она твоя фанатка!

Получив фото, тётя сразу хотела пойти хвастаться дочери и ей было не до разговоров с Линь Чэном. Подойдя к лестнице, вспомнила и передала слова дочери Линь Чэну:

— На улице будь осторожен, мальчик, помни защищать себя. Маску носи крепко. Ты слишком красивый!

Линь Чэн:

«...» Ой. Теперь он знал, что хозяйка действительно очень модная.

Когда лестничная клетка снова стала тихой, Линь Чэн достал телефон и начал поиск. Только открыв Weibo, в фоновом режиме вылезло бесчисленное количество личных сообщений.

Не нужно проверять, он и так знал. Ключевые слова висели в горячем поиске.

Это были новые кадры Бэй Гу.

Линь Чэн перешёл в официальный аккаунт «Ночного дождя» и быстро нашёл соответствующий

контент. Этот пост в Weibo был опубликован вчера вечером, к сожалению, он не увидел его вовремя.

На этот раз опубликовали два кадра с гримом.

Один с закрытым лицом, фото, пойманное во время съёмки.

В небе густо падал косой зимний дождь, капли в свете выглядели серебряными.

Бэй Гу парил в воздухе, худое и длинное тело было вытянуто, словно острое оружие. Меч в его руке указывал прямо на экран, остриё с убийственным намерением превратилось в тень.

Капли дождя разбивались о тело меча, мелкие брызги разлетались в четыре стороны. Единственный видимый глаз на лице выражал давно ставшее привычным равнодушие.

<http://bllate.org/book/16818/1564714>